Археологические вести

— 29 —

Archaeological news

29
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

29
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители выпуска:

М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский, Н. А. Павличенко

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 29** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 392 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В этот выпуск «Археологических вестей», приуроченный к 70-летию ведущего научного сотрудника ИИМК РАН, доктора исторических наук Юрия Алексеевича Виноградова, включены статьи, подготовленные его друзьями и коллегами. Они посвящены актуальным проблемам и новейшим исследованиям в области античной археологии, истории и культуры. Многие материалы, полученные в результате изучения античных городов, поселений и погребальных памятников, впервые вводятся в научный оборот. В специальные разделы сборника вошли работы по нумизматике, эпиграфике и античной керамике. В выпуске представлена также статья, касающаяся истории отечественной археологической науки в сложный период сталинских репрессий. Среди авторов — ученые из России, Украины, Великобритании, Германии и Румынии.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) is devoted to the seventieth anniversary of the leading researcher of the Institute for the History of Material Culture RAS, Doctor of History Yury Alekseevich Vinogradov. It includes papers prepared by his friends and colleagues. They focus on the actual problems and newest researches in the field of ancient archaeology, history and culture. Many materials obtained as a result of studying of ancient towns, settlements and burials are published for the first time. Special sections of this compilation include papers on numismatics, epigraphy and classical pottery. This issue also contains a paper on history of Russian archaeological science at a difficult period of Stalin’s repressions. Papers were written by scientists from Russia, Ukraine, Great Britain, Germany and Romania.

На первой странице обложки — лекиф краснофигурный; Древняя Греция, вторая половина IV в. до н. э.; Крым, окрестности Керчи, некрополь Пантикапея; глина, рельеф, краснофигурная роспись, черный лак; высота: 37 см; инв. № П.1837-2 (фото В. С. Теребенина). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020
First page of cover — red-figure lekythos; Ancient Greece, second half of the 4th century BC; Crimea, outskirts of Kerch, necropolis of Pantikapaion; clay, relief, red-figure technique, black glaze; height 37 cm; inv. no. 1837-2 (photo by V. S. Terebenin). © State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2000

На последней странице обложки — лагерь археологов на поселении Артющенко I на Тамани (фото Ю. А. Виноградова)
Fourth page of cover — archaeological camp at the settlement Artyuschenko I on Taman Peninsula (photo by Yu. A. Vinogradov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

«Exotische Utopien einer fernen Welt»: два краснофигурных кратера с редким изображением грифономахии из раскопок Северного Причерноморья¹

А. Е. Петракова²

Аннотация. В статье рассматриваются два аттических фрагментированных колоколовидных кратера. Первый происходит из раскопок Херсонеса 1903 г., второй — из раскопок Пантिकाпея 1867–1868 гг. Оба кратера украшены изображением редкой разновидности грифономахии: амазонки и бородастые варвары вместе противостоят грифонам. Еще одна редкая разновидность изображения на аттических и южноиталийских вазах — сцена, в которой амазонки помогают Беллерофонту сражаться с Химерой. Интерпретации этих изображений и посвящена статья.

Annotation. The paper deals with two fragmented Athenian red-figure bell-kraters. The first one was excavated in Chersoneses in 1903, the second one was found in Panticapaion in 1867–1868. Both kraters are decorated with a rare kind of Grypomachy: Amazons and bearded barbarians are fighting together against Gryffins. Another rare subject in Athenian and South Italian vase-painting is the depiction of Amazons, helping Bellerophon to fight Chimera. The aim of the paper is in interpretation of these subjects.

Ключевые слова: аттические вазы, южноиталийские вазы, краснофигурные кратеры, амазонки, грифоны, аримаспы, вазы из раскопок в Северном Причерноморье, атрибуция и интерпретация вазовых росписей.

Keywords: Athenian vases, South Italian vases, red-figure kraters, Amazons, Griffins, Arimasps, vases from excavations in the Northern Black Sea Area, attribution and interpretation of vase-painting.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-278-290

¹ Статья в расширенном, дополненном и переработанном виде представляет материал, впервые озвученный на конференции АРХОНТ–2019 (тезисы: Петракова, 2019). Автор выражает глубокую признательность Ю. П. Калашнику и Д. Е. Чистову за любезное разрешение работать с экспонатами из их хранения, всяческое содействие в работе и теплое отношение, а также художнику-реставратору высшей категории Н. Л. Павлухиной за реставрацию кратера из Херсонеса.

² Д-р искусствоведения, ст. науч. сотрудник, Отдел античного мира, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: petrakova.anna@gmail.com.

...Весьма распространенные сейчас трактовки греческих вазовых росписей с помощью концепции «утраченного звена», на мой взгляд, абсолютно непродуктивны. Смысл древних изображений надо искать не в утраченных мифах! Более логично задуматься о смысловых нагрузках, которые древние мастера и их заказчики могли связывать с формой сосуда, а также со структурой его украшений, со значением входящих в нее конкретных художественных образов.
(Виноградов, 2007. С. 30–31)

В Эрмитаже хранятся фрагменты двух краснофигурных колоколовидных кратеров — их любили расписывать мастера афинского Керамика в конце V — начале IV в. до н. э. (см.: *Καθάριον*, 2002. Р. 16–20, 100–103).

Первый кратер (инв. № Х.1903.121) происходит из раскопок в Херсонесе, проводившихся К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1903 г. Как явствует из записи в инвентаре («склеена из девяти кусков, два — отдельно»), фрагменты были склеены еще до поступления в музей. Впоследствии швы разошлись; новая реставрация с догипсовкой отсутствующих частей была осуществлена в 2018 г. В отличие от другого, целого, кратера из раскопок того же времени и также хранящегося в Эрмитаже (Вдовиченко, Жесткова, 2011. Кат. 225, рис. 6), этот не вошел ни в публикации К. К. Косцюшко-Валюжинича в ОАК и ИАК, ни в издание 2011 г., посвященное расписной керамике Херсонеса из его раскопок. Целый кратер был найден в скальной гробнице, наш же — в раскопках центральной части городища на бывшей монастырской усадьбе, где только в тот сезон откопали «1666 обломков краснофигурных сосудов» (ОАК за 1903 г. С. 32). При таких масштабах находок неудивительно, что «...расписная керамика Херсонеса до настоящего времени... изучена недостаточно... Собранные Косцюшко-Валюжиничем за 19 лет плодотворных исследований богатые коллекции предметов древности до сих пор не полностью введены в научный оборот» (Вдовиченко, Жесткова, 2011. С. 4).

Второй кратер, рассматриваемый в настоящей статье (инв. № П.1867/68–745), происходит из раскопок на горе Митридат (Пепелище), датированных 1867–1868 гг. За один только 1868 г. там было найдено «несколько тысяч черепков от расписных сосудов... По мере углубления в насыпь открывались почти каждый день черепки, служившие дополнением прежде отысканных» (ОАК за 1868 г. I–II). В отличие от некоторых других фрагментов краснофигурных ваз из раскопок того же времени в выпуски отчетов ИАК за эти или последующие годы наш кратер не попал. В инвентаре обломки описаны как два фрагмента (один — из пяти кусков, другой из десяти кусков) «явно от одного кратера, но вместе не склеиваются». В 1978 г. они были переданы в ЛНРППИ, где была произведена догипсовка, позволившая соединить их вместе.

Кратер из Херсонеса представляет собой крупный фрагмент тулова с венчиком, который имеет максимальную сохранившуюся высоту 23,2 см (рис. 1, 1); небольшой фрагмент верхней части тулова с венчиком (рис. 1, 1), который следует добавить к предыдущему слева (он не стыкуется, но подходит по изображению и размерам); маленький фрагмент тулова, судя по изображению принадлежащий оборотной стороне кратера (рис. 1, 2) — на нем сохранилась часть виноградной грозди и головы в венке, которым нет места на стороне А, целиком посвященной изображению битвы. Кривизна венчика позволяет определить размеры кратера: его диаметр был приблизительно 42–43 см, а высота — 35–40 см.

Сторона Б с изображением либо симпозиия, либо фиаса не дает достаточного материала для рассуждений. Во-первых, сохранился слишком маленький кусочек. Во-вторых, и тот, и другой варианты прекрасно подходят для росписи кратера конца V — начала IV в. до н. э., оба варианта очень популярны в аттической вазописи этого времени, часто украшают оборот кратера и прекрасно согласуются с его функцией. А вот сторона А (рис. 1, 1; 2, 1) представляется гораздо более интересной. В инвентарной книге изображение на ней охарактеризовано как «четыре фигуры амазонок

Рис. 1. Виртуальная реконструкция: 1–2 — крatera инв. X.1903.121; 3–4 — крatera инв. П.1867/68-745
 Fig. 1. Virtual reconstruction: 1–2 — krater inv. X.1903.121; 3–4 — krater inv. П.1867/ 68-745

со щитами и секирами». Это ошибочное утверждение: амазонками могут быть названы лишь два персонажа слева, в то время как оба персонажа справа имеют усы и бороду. Костюмы у мужчин и амазонок похожи: длинные штанины и рукава украшены рядами полосок и зигзагов, надетые сверху подпоясанные туники — «бегущей волной» и каймой в виде сильно упрощенных рядов морских коньков,

такие орнаменты были популярны в работах Мастера Мелеагра и его круга (ср.: *Καθαρίου*, 2002. Р. 185–188). Щиты-пельты с шахматным орнаментом также одинаковы. Один мужчина вооружен секирой, второй, по-видимому, тоже — места достаточно лишь для нее, если бы было копье, была бы видна хоть какая-то его часть. А вот амазонки вооружены копьями, и, исходя из наличия третьего копья слева,

Рис. 2. Кратеры (1–3) и детали их изображений (а, б, в): 1, а–в — инв. X.1903.121, сторона А; 2, а, б — инв. А1844 в Брюсселе, сторона А; 3, а, б — инв. П.1867/68-745, сторона А

Fig. 2. Kraters (1–3) and the image details (а, б, в): 1, а–в — inv. X.1903.121, side A; 2, а, б — inv. A1844 in Brussels, side A; 3, а, б — inv. П.1867/ 68-745, side A

мы можем предположить, что была и третья амазонка — места для нее достаточно. Таким образом получается, что композиция стороны А целиком — это три амазонки (слева) и два

бородатых мужчины в варварских одеждах (справа). Все они представлены атакующими с оружием в руках, предмет их атаки находится между ними. Действие разворачивается

на лоне природы. Место действия обозначено не только при помощи размещения фигур на разных уровнях и довольно условно выглядящих спиралевидных завитков в нижней части композиции, но и при помощи вполне конкретно нарисованных деревьев (два на крупном фрагменте и еще одно — на среднем). На одном из фрагментов хорошо различимы передние лапы животного, вставшего на дыбы, выполненные при помощи белой краски.

Скорее всего, объектом атаки амазонок и бородатых мужчин является грифон, существо, часто встречающееся в аттической вазописи архаики и классики (см.: LIMC VIII, Suppl., Grups. P. 609–611). Сцены сражений амазонок (иногда их называют аримаспами, о чем речь пойдет чуть ниже) с грифонами крайне популярны в аттической вазописи конца V — IV в. до н. э. Это поединки с грифоном конной (BAPD 230233, 230234, 231056) или пешей амазонки (BAPD 218269), а также многочисленные сцены с участием нескольких грифонов и амазонок³. Во много раз реже с грифонами в аттической вазописи сражаются воины-мужчины, причем не только варвары (которых при желании можно называть аримаспами, гиперборейцами, исседонами, персами и пр.), но и греки (!)⁴. В итальянской вазописи картина та же — там против грифонов активно выступают нагие воины с круглыми

щитами, мечами и прочими элементами вооружения, которые ассоциируются с эллинами, а не варварами, уж тем более аримаспами (Schauenburg, 1982).

Грифонов в аттической краснофигурной вазописи конца V — IV в. до н. э. часто изображают при помощи белой краски, хотя встречается и вариант с краснофигурными грифонами (например: BAPD 13452, 230400, кратер из Пантикапея — рис. 1, 3; 2, 3). Скорее всего, на херсонесском кратере представлен грифон, однако фрагментированное состояние вазы не позволяет утверждать это с полной уверенностью. Например, на аттическом кратере в Вилле Джулия (Καθαρίου, 2002. πιν. 81A, атрибутирован Упсальскому мастеру, начало IV в. до н. э.; McPhee, 2017. Fig. 15–16; BAPD 28060) амазонки сражаются не с грифоном, а с Химерой, у которой лапы трактованы очень похожим образом (рис. 4, 1). На кратере в Неаполе (рис. 3, 1) с Химерой сражаются бородатые мужчины (Καθαρίου, 2002. πιν. 55A, атрибутирован Будапештской группе, первая четверть IV в. до н. э.; BAPD 218089), при этом композиция, позы, трактовка деталей, пейзажа, костюма в его росписи близка тем, что мы видим на кратере из Херсонеса, разве что фигур на кратере в Неаполе больше. На херсонесском кратере явно нет места для Беллерофонта, так что, скорее всего, персонажи на нем сражаются все-таки с грифоном. Наиболее близкой аналогией по композиции, многочисленным деталям росписи, сюжету является чашевидный кратер, хранящийся в Брюсселе (рис. 2, 2). На обороте этого кратера представлена менада между двумя сатирами, над ручками нарисовано по алтарю. Карл Шефолд датировал его 390–380 гг. до н. э. (Scheffold, 1934. P. 139, Coll. Lambros-Dattari 76, Taf. XII; CVA, Brussels 2, Pl. 3.2A-C; LIMC VIII, Pl. 340, Arimaspoi 7; BAPD 12111), но не атрибутировал определенному мастеру.

От кратера из Пантикапея сохранилась значительная часть стороны А (рис. 1, 3; 2, 3); на обороте могли быть фигуры в плащах, симпосиасты или фиас (рис. 1, 4) — именно эти варианты встречаются на стороне Б кратеров этого периода чаще всего. Изображение

³ Например: BAPD 230458, 218059 — две пешии амазонки против грифона; BAPD 13452 — конная и пешая амазонки против двух грифонов; BAPD 230475 — конная и две пешии амазонки против грифона; BAPD 12928, 230453, 230456 — три пешии амазонки против грифона; BAPD 230400 — три пешии амазонки против двух грифонов; BAPD 136 — четыре пешии амазонки против грифона; BAPD 13401 — четыре пешии амазонки против двух грифонов и т. п.

⁴ Так, изображение гоплита в противостоянии грифону украшает чернофигурный скифос, выставленный на Sotheby's (BAPD 5900), бородатый пеший мужчина в варварских одеждах сражается с грифоном на пелике в Бостоне (BAPD 230247) и с двумя — на пелике в Пльзне (BAPD 230383), бородатый всадник в варварских одеждах сражается с двумя грифонами на кратере в Вене (BAPD 564), бородатый возница в греческом хитоне на биге выступает против двух грифонов на пелике в Оксфорде (BAPD 137) и пр.

Рис. 3. Кратеры: 1 — инв. 81569 в Неаполе; 2 — инв. 4530 в Лечче; 3 — инв. 1917.61 в Оксфорде; 4 — кратер с торгов Sotheby's

Fig. 3. Kraters: 1 — inv. 81569 in Naples; 2 — inv. 4530 in Lecce; 3 — inv. 1917.61 in Oxford; 4 — krater from Sotheby's auction

на кратере из Пантикапея в инвентаре охарактеризовано как «часть фигуры вправо, в восточном костюме, борющаяся со львом... амазонка в восточном костюме, сидящая на лошади вправо; правее — воин с копьем и щитом, борющийся с грифоном». Слева, я полагаю, расположен не «лев», а такой же грифон, что и справа, «часть фигуры» — это тоже амазонка (ее туника украшена так же, как и у амазонки на коне), а над ней, по-видимому, была еще одна фигура, от которой сохранился

лишь маленький кусочек одежды или щита (?), возможно, еще один бородатый воин в варварской одежде. Получается, что в центре композиции — амазонка, слезающая с падающего коня, на которого спереди и сзади навалились грифоны, ее защищает бородатый воин и еще два персонажа. Под ногами при помощи белых линий и двух краснофигурных элементов изображены неровности почвы.

Найти точную аналогию в данном случае сложнее, но хочется отметить стилистическую

Рис. 4. Кратеры: 1 — инв. 1514 в Вилле Джулия; 2 — инв. 1911.163 в Генуе; 3 — инв. 81947 в Неаполе; 4 — инв. F3258 в Берлине

Fig. 4. Kraters: 1 — inv. 1514 in Villa Giulia; 2 — inv. 1911.163 in Genoa; 3 — inv. 81947 in Naples; 4 — inv. F3258 in Berlin

близость росписей к работам всё того же круга Мастера Мелеагра (первая четверть IV в. до н. э.), в частности — Мастера Вюрцбургской Амимоны (ср.: *Καθारीου*, 2002. πιν. 44A-B, 45B; *McPhee*, 1976. Pl. 89, 29; VAPD 487) и мастеров Будапештской группы (ср.: *Καθारीου*, 2002. πιν. 54A-B, 55A-B). Гораздо более интересным представляется другое: в данном случае опять амазонки действуют заодно с бородатыми мужчинами — они вместе противостоят чудовищу, которое несет погибель, неважно,

грифон это, как на кратерах из Херсонеса (рис. 2, 1) и в Брюсселе (рис. 2, 2), или Химера, как на кратере в Вилле Джулия (рис. 4, 1).

Вернемся к вопросу о том, почему безбородые персонажи в варварских одеждах на эрмитажных кратерах названы в этой статье амазонками, а не аримаспами. Безусловно, первое и естественное желание любого исследователя, возросшего на уходящей корнями в XIX, а то и XVIII в. традиции, — воспринимать расписные вазы исключительно как

«иллюстрации» к греческим текстам — определить грифоноборца в «варварской» одежде как аримаспа. Ведь всем известно, что именно аримаспам положено сражаться с грифонами (см. весь список источников: LIMC VIII, Suppl. 2009, s. v. Arimaspoi. P. 529–534). Проблема состоит в том, что изображения на аттических вазах очень часто не только не иллюстрируют тексты, но и вступают с тем, что в них изложено, в откровенное противоречие, вроде знаменитого килика с Ясоном (его имя подписано рядом на вазе), которого изрыгает дракон (BAPD 205162). В таких случаях появляется желание говорить о том, что вазы «иллюстрируют» некий утерянный миф. Или даже больше — желание упрямо называть изображенного на вазе человека в чепчике «женщиной» (несмотря на то, что его нагое тело очевидно мужское) исключительно потому, что тексты много раз сообщили нам, что чепчик в Древних Афинах был исключительно женским элементом костюма (см. подробнее: *Petrakova*, 2020).

Если рассматривать два эрмитажных cratera не как иллюстрации к античным текстам, а как очередные две вазы в контексте множества аттических и итальянских (!) краснофигурных vaz — безбородых персонажей в варварских одеждах следует назвать именно амазонками⁵. Как справедливо заметил изучавший проблему «со стороны амазонок» Мартин Лангнер, «...„амазонок“ не отличить от „аримаспов“ ни по одежде, ни по прическе, ни по вооружению... костюм всего лишь отсылает нас к тому, что они — жители северо-восточных окраин <...> наверное, именно в этом и состоит особая прелесть этого образа», ведь он дает возможность для очень большой свободы в интерпретации росписи на вазах (*Langner*, 2013. P. 226–227). Мы знаем множество изображений на вазах именно амазонок, их идентификация не вызывает сомнений благодаря контексту или надписям

рядом с ними (LIMC I, 1981, s. v. Amazones; LIMC VIII, Suppl. 2009, s. v. Amazones). А вот подобных изображений аримаспов не существует. Попытки отождествить того или иного грифоноборца или всадника на грифоне с аримаспом выглядят крайне спорными и базируются лишь на том, что в соответствии с текстами с грифонами положено сражаться именно аримаспам (LIMC VIII, Suppl. 2009, s. v. Arimaspoi. P. 529–534). Аскольд Иванчик, изучавший проблему «со стороны аримаспов» так же, как и Мартин Лангнер, полагает, что «вряд ли... следует отождествлять любую грифономахию с аримаспами: этот сюжет известен уже в микенскую эпоху... был достаточно распространен в ассирийском и сиро-финикийском искусстве... оба сюжета, очевидно, отсылают к неким мифическим противникам мифических существ» (*Иванчик*, 2002. С. 27).

Берусь утверждать то же самое, так сказать, «со стороны вазописи». Амазонки постоянно появлялись в аттической вазописи в самых разных контекстах на протяжении VI–IV вв. до н. э. (подробно с библиографией см.: *Петракова, Ягги*, 2017). Значительную часть этих изображений составляют сцены амазономахий: единоборство конкретной амазонки (Пентесилеи, Ипполиты и пр.) с конкретным героем (Ахиллом, Гераклом и пр.), а также многочисленные амазономахии с «анонимными» греками и амазонками, причем амазонки гораздо чаще проигрывают. Это противопоставление героя-мужчины амазонке сохраняется в аттической вазописи на протяжении VI, V и IV вв. до н. э., не менее характерно оно и для итальянской вазописи. Безусловно, амазонки относятся к тем варварским народам, которые ассоциируются с Востоком — в этом качестве они востребованы в греческом искусстве и римском искусстве тех периодов, когда такое изображение помогало в конструировании эллинской или римской идентичности, демонстрации мужских военных добродетелей и идеи превосходства над врагом-чужаком (не-эллином, не-римлянином) (см.: *Russenberger*, 2015. S. 70–95). Но амазонка также является и женщиной, при этом ведущей себя в соответствии с мужской моделью

⁵ Позволю себе оставить в стороне вопрос о возможности существования «амазонов» (амазонок-мужчин) и «аримаспих» (аримаспов-женщин) — он подробно рассмотрен все у того же Мартина Лангнера.

поведения, что крайне любопытно, необычно и привлекательно для представителей социума, где привыкли к другим женщинам (*Blundell*, 1995. Р. 62). В свете этого противостояние амазонок греческим (позже — римским) мужчинам рассматривается современными учеными не только в буквальном смысле вражды эллинов/римлян с варварами, но и как борьба двух разных начал, в том числе — любовная борьба (завершение которой не смерть, а продолжение жизни), просто представленная иносказательно. Подобные уподобления встречаются, например, в явном виде в лирике начала римской империи (см.: *Russenberger*, 2015. S. 114–144). Уместно будет вспомнить, что сцены амазономаний украшали очень разные предметы и сохраняли популярность на протяжении многих столетий — от греческого искусства VI в. до н. э. до римского искусства II–IV вв. н. э., в частности римские саркофаги. Исследователи при этом справедливо задаются вопросом: почему именно битвы с амазонками — ведь в качестве противника для героя мифология позволяет выбрать и множество других персонажей? На этот вопрос нет однозначного ответа. Например, применительно к аттической вазописи времен греко-персидских войн или к римским саркофагам II в. н. э. наиболее популярной точкой зрения является та, которая предполагает, что через противопоставление героев амазонкам происходит выражение культурной идентичности, выражение идей противостояния с восточным, варварским, беспорядочным в противопоставление привычному, упорядоченному, цивилизованному, то есть эллинскому или римскому. Однако целый ряд произведений италийской и аттической вазописи (подобно знаменитому килику с Ахиллом и Пентесилеей; BAPD 211565), как и целый ряд римских саркофагов III в. н. э. с амазономаниями, явно показывает интерес авторов этих произведений именно к теме гибнущей женственности, красоты, идеи трагичности и неизбежности смерти вне зависимости от пола и принадлежности к тому или иному народу. В римских саркофагах этого времени, украшенных амазономаниями, погребали женщин,

а в эпитафиях любимые жены прямо сравнивались с трагически погибшими амазонками (см. подробнее: *Russenberger*, 2015). Наиболее популярная на сегодняшний день точка зрения на эти памятники состоит в том, что в них проявляется сочувствие художника к обеим сторонам конфликта, а памятник хорош для покупателей обоего пола — ведь женщина может ассоциировать себя с амазонкой, а мужчина — с героем.

Кроме многочисленных битв, амазонки появляются среди персонажей дионисийского круга, для которых вообще характерно нарушение социальных норм и двойственная природа — именно это и воплощают в себе амазонки. Танцующие (*Петракова, Ягги*, 2017. Рис. 1–6) и даже крылатые (*Там же*. Рис. 7–8) амазонки встречаются в аттической и италийской вазописи конца V и IV в. до н. э. Грифоны же выступают не только их противниками, но и союзниками, например, когда амазонки едут на грифонах (*Там же*. Рис. 17; BAPD 231167, 218271, 218269, 218270 и др.), сражаются друг с другом, в то время как чуть выше Эрот протягивает руку утке (BAPD 11163), или сражаются с грифонами, восседая на грифонах (*Петракова, Ягги*, 2017. Рис. 15–16). В перечисленных примерах представлены именно амазонки, в характерных костюмах и с длинными кудрявыми волосами, ровно такие же, как те амазонки, что сражаются с греками на вазах того же времени (ср., например: BAPD 217562, 213262, 218104, 217570, 9018487 и др.). Помимо амазонок на грифонах ездят бородатые мужчины в варварских одеждах (BAPD 564) и безбородые мужчины с короткими волосами, не покрытой головой, в том числе с обнаженной грудью (BAPD 43217). И все три типа персонажей (!) представлены в качестве грифоборцев в одном пространстве росписи на знаменитых луврских кратерах (BAPD 230371, 230372; *Петракова, Ягги*, 2017. Рис. 10). Если бы они все были аримаспами — зачем один и тот же вазописец в одном и том же пространстве вазовой росписи стал бы их так дифференцировать? Кратеры в Неаполе (рис. 3, 1), в Оксфорде (рис. 3, 3) (BAPD 260105),

на Сотби (рис. 3, 4) (BAPD 13401), в Мадриде (BAPD 24282) показывают, что вазописцы прекрасно могли изобразить всех персонажей одинаковыми в пределах одной росписи.

Как и амазонки, грифоны — создания необычные, принадлежащие к двум разным мирам (мужской и женский мир — амазонки, земля и воздух — грифон), а стало быть, могут путешествовать между мирами, служить посредниками и проводниками (Flagge, 1975; LIMC VIII, Suppl., v. s. Gryps. P. 609–611); союзниками и противниками грифонов в аттической вазописи бывают очень разные персонажи! Как представляется, называть кого-то аримаспом исключительно из-за того, что он сражается с грифоном или едет на грифоне, было бы несправедливым. С грифоном может сражаться гоплит (BAPD 5900), грифон может нападать на сатира (BAPD 41551), что касается всадников — кроме амазонок на грифонах в аттической и итальянской вазописи ездят Афина (LIMC I, Athena 38), Аполлон (BAPD 215308, 28788, 231126), Дионис — для последнего прекрасным примером может служить композиция на стороне А кратера из раскопок Олинфа, где среди танцующих сатиров и менад представлен Дионис верхом на грифоне (BAPD 16222; см. также: BAPD 9337, 14042, 218232). Существуют даже примеры, где грифон представлен везущим Диониса в окружении персонажей в комических масках (Петракова, Ягги, 2017. Рис. 18). На лекифе в Берлине на колеснице, запряженной двумя грифонами (BAPD 6987; датирован 390–380 гг. до н. э.), вступает в битву с гигантами женский персонаж (пол не вызывает сомнения в силу особенностей тела, вида костюма и пр.), вооруженный тирсом (возможные идеи по интерпретации: Артемида, менада); справа на гиганта нападает Геракл с дубинкой. Грифоны также могут быть эмблемами на щитах у гоплитов (например: BAPD 207751, 202186, 202995, 217276) и у Афины (BAPD 202370), входить в состав орнаментов, украшающих ткани (например: BAPD 216789).

Однако вернемся именно к теме сражения. Крайне любопытным представляется следующий факт. Количество ваз, украшенных

изображениями, на которых амазонки сражаются против мужчин, огромно. Количество ваз, на которых амазонки сражаются против грифонов, весьма велико, к ним мы можем также добавить небольшое количество ваз, на которых с грифонами сражаются бородатые или безбородые мужчины. А вот количество ваз, на которых амазонки в союзе с мужчинами выступают против грифонов или Химеры, крайне мало. Даже если не соглашаться со мной и считать амазонок на этих вазах молодыми аримаспами, это не меняет сути — ваз с такими изображениями крайне мало. Мне известно всего лишь несколько таких аттических и несколько итальянских ваз конца V и IV в. до н. э. Это упоминавшиеся кратеры в Лувре, на которых сражение мужчин и амазонок против грифонов сочетается со сценами дионисийского круга — для итальянских краснофигурных ваз такое сочетание также весьма характерно, и упоминавшийся кратер в Брюсселе (рис. 2, 2). К названным трем кратерам следует добавить и два кратера из Эрмитажа. На брюссельском кратере и на кратере из Пантикапея мужчины и амазонки чередуются, на кратере из Херсонеса четко разделены на две группы. Все названные вазы — кратеры, то есть вазы, связанные с особой культурой симпосия, которая, благодаря грекам, распространилась по всей ойкумене. На трех целых вазах сцена соседствует с изображением персонажей дионисийского круга, как и на кратере из Херсонеса.

Мартин Лангнер тоже обратил внимание на то, что амазонки *вместе* с мужчинами сражаются крайне редко. В качестве примера он привел эрмитажную пелику из таманских раскопок (Langner, 2013. P. 240, abb. 72a-b), на которой по-гречески обнаженные и экипированные мужчины вместе с амазонками сражаются против других аналогичным образом выглядящих мужчин. По его мнению, столь редкое изображение связано с тем, что изготовители расписных ваз в Афинах знали о смешанном этническом составе Боспорского царства (и браках между приезжими эллинами и местными, в том числе «скифскими», женщинами) и таким образом пытались это

отразить в расчете на боспорского заказчика. Этим же он объясняет другой крайне редкий сюжет — сражение амазонок друг против друга. Идея, безусловно, очень красивая (особенно притягательная в связи с нынешней пропагандой мультикультурализма и толерантности), но она не объясняет присутствия амазонок в сценах сражения Беллерофонта с Химерой. Зачем амазонки помогают Беллеронту — не могут объяснить нам и античные тексты. По свидетельству Аполлодора, он сражался с Химерой (все источники см.: LIMC III, Chimaira. P. 249–253), потом с солимами, потом с амазонками (Мифологическая библиотека. Книга II, III(2)), но никогда не сражался *вместе* с солимами или амазонками (тем более — аримаспами) против Химеры. И если уж любой, кто сражается с грифоном — это аримасп, раз тексты нам об этом сказали, то любой, кто сражается с Химерой, должен быть Беллеронтом, и никак иначе. В вазописи же мы видим такие композиции, которые явно противоречат письменным источникам. Авторы аттических кратеров в Неаполе (рис. 3, 1) и в Лечче (рис. 3, 2; BAPD 41456; Mannino, 2006. Fig. 67–68; сопоставлено Бизли с работами выделенного им Мастера Джуличчи) решили, что помогать Беллеронту в борьбе с Химерой должны мужчины. Только в Неаполе (рис. 3, 1) это довольно однообразно нарисованные бородатые варвары (которые при желании интерпретатора могут быть названы солимами), а в Лечче (рис. 3, 2) — безбородые юноши с длинными волосами и в восточных шапках, которых вазописец избразил обнаженными (возможно, чтобы зритель не перепутал их с амазонками); помимо них Беллеронту помогает юноша с короткими волосами и петасом за спиной (то есть явный эллин), а также Пан. Авторы аттического кратера в Вилле Джулия (рис. 4, 1) и другого аттического кратера, в Генуе (рис. 4, 2; BAPD 217510, близко Мастеру Прономоса) отрядили в помощь Беллеронту амазонок (на кратере в Генуе есть амазонка, а есть обнаженные юноши в восточных шапках). То же самое сделали и авторы апулийских кратеров в Берлине (рис. 4, 4; Kästner, Saunders, 2016.

Cat. 3; 330–310 гг. до н. э., атрибутирован Мастеру подземного мира) и Неаполе (рис. 4, 3) (Vasi antichi, 2009. P. 116–118; 340–320 гг. до н. э., атрибутирован Мастеру Дария). К этой же группе редких изображений, где Беллеронту убивать Химеру помогают амазонки, должен быть отнесен фрагмент аттического чашевидного кратера из раскопок в Коринфе (McPhee, 1976. Pl. 90, 28; BAPD 487).

Если амазонкам можно сражаться с Химерой, что, в соответствии с зафиксированной в текстах информацией, должно происходить где-то в Ликийи, почему им нельзя сражаться с грифонами там, где, в соответствии с теми же текстами, и им, и грифонам положено обитать? Грифон — существо по своей силе, необычности и двойственной природе вполне сопоставимое с Химерой... да и действие происходит где-то там, в чуждадных краях, где-то там, куда лишь самые великие путешественники вроде Диониса добиваются, и где, как и в его мире, возможно даже невозможное, нарушающее традиции, нормы, представление о должном и не-должном. Любопытно, что на кратере из Херсонеса (как и на кратерах в Брюсселе и Неаполе) автор уделил особое внимание изображению растений между фигурами. Здесь это не просто завитки, листики, точки, которые условно обозначают некую растительность, а хорошо узнаваемые лавры — еще одна возможная отсылка к тому, что всё изображенное происходит не в обычном мире, а за его пределами (см. подробнее: Букина, 2020).

Я не призываю заходить так далеко, как Элизабет Роде, предложившая видеть в грифоне, подлетающем к сатире на килике в Берлине, не просто «борьбу грифона против представителя низших сфер, богов растительности, испуганно отступающих», но символически представленное «превосходство всеведения и образованности над приземленной глупостью» (CVA Berlin, Antikensammlung-Pergamonmuseum 1. P. 44–45). Но закрывать глаза на то, что амазонки помогают персонажам мужского пола сражаться с Химерой и с грифонами, мы не можем. Известные мне вазы с такими редкими изображениями

происходят как из погребений, так и из раскопок жилых кварталов; география находок тоже разнообразна (юг Апеннинского полуострова, север Греции, Северное Причерноморье). Но все эти вазы — кратеры (любопытно, что на кратере из Пантикапея имеется след античной починки). И если на итальянских вазах амазонки отличаются от мужчины-Беллерофонта хотя бы костюмом, то на аттических вазах с грифономахиями амазонки и мужчины представлены в одинаковых

костюмах. Все вместе они не только отсылают нас к восточным землям, но и к тем чуждальним, сказочным краям, где (как и в мире Диониса) возможен даже союз противников (греков и варваров, мужчин и женщин, Беллерофонта и амазонок и т. п.), то есть к той самой «Exotische Utopien einer fernen Welt», о которой говорил Мартин Лангнер (*Langner*, 2013. Р. 225). Кратеры, украшенные такими сценами, прекрасно подходят и для симпозия, и для погребения.

Букина, 2020 — Букина А. Г. Всадник среди вакхантов: редкая аттическая иконография на периферии античного мира // БИ. Вып. XLI / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: ИП Кифниди Г. И., 2020. С. 75–76.

Вдовиченко, Жесткова, 2011 — Вдовиченко И. И., Жесткова Г. И. Расписная керамика Херсонеса Таврического (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича и Р. Х. Лепера) // *Stratum plus*. 2011. № 3. С. 3–111.

Виноградов, 2007 — Виноградов Ю. А. Большой лекиф Ксенофанта. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 62 с.

Иванчик, 2002 — Иванчик А. И. Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? // ВДИ. 2002. № 4. С. 23–42.

ОАК за 1868 г. — Отчет императорской археологической комиссии за 1868 год. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1870.

ОАК за 1903 г. — Отчет императорской археологической комиссии за 1903 год. Санкт-Петербург: типография главного управления уделов, 1906.

Петракова, 2019 — Петракова А. Е. Фрагмент краснофигурного кратера с изображением амазонок и грифона, происходящий из раскопок Херсонеса, в собрании Эрмитажа: к вопросу о символической иконографии варваров // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: Материалы НК (Севастополь, 17–19 сентября 2019 г.) / Ред.-сост. Д. А. Костромичев. Севастополь: Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 2019. С. 213–215.

Петракова, Ягги, 2017 — Петракова А., Ягги О. Амазонки на аттических краснофигурных вазах из Северного Причерноморья: к вопросу о понимании изображений // Боспорские исследования. Вып. XXXV / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2017. С. 100–125.

Blundell, 1995 — Blundell S. *Women in Ancient Greece*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. 224 p.; 45 b/w figs.

Chazalon, 2009 — Chazalon L. *Ceramica attica a figure rosse* // *Vasi antichi*, Museo Archeologico Nazionale di Napoli. Napoli: Electa Napoli, 2009. Р. 51–89.

CVA, Brussels 2 — Mayence F., Verhoogen V., CVA Belgique fasc. 2, Bruxelles, Musées Royaux d'Art et d'Histoire (Cinquantenaire) fasc. 2. Bruxelles: Musées Royaux d'Art et d'Histoire, 1937.

CVA Berlin, Antikensammlung-Pergamonmuseum 1 — Rohde E., CVA DDR Band 3, Berlin Band 1. Berlin: Akademie-Verlag Berlin, 1986.

Flagge, 1975 — Flagge I. *Untersuchungen zur Bedeutung des Greifen*. Sankt Augustin: Verl. Hans Richarz, 1975. 222 S.

Καθαρίου, 2002 — Καθαρίου Κ. Το εργαστήριο του Ζωγράφου του Μελεάγρου και η εποχή του: Παρατηρήσεις στην αττική κεραμική του πρώτου τετάρτου του 4ου αι. π. Χ. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2002. 444 τ. : εικ., πίνακες.

Kästner, Saunders, 2016 — Kästner U., Saunders D. (eds.). *Dangerous Perfection: Ancient Funerary Vases from Southern Italy*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2016. 176 p.

- Langner*, 2013 — *Langner M.* Amazonen auf Kertscher Vasen Wechselnde Blickwinkel auf ein populäres Bildmotiv // Hrsg. Ch. Schubert, A. Weiß. Amazonen zwischen Griechen und Skythen. Gegenbilder in Mythos und Geschichte. Berlin: De Gruyter, 2013. S. 221–257 (Beiträge zur Altertumskunde. 310).
- LIMC — *Lexicon iconographicum mythologiae classicae* / La Fondation pour le Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae / Comité de rédaction J. Boardman et al. Zürich, München, 1981–2009.
- Mannino*, 2006 — *Mannino K.* Vasi attici nei contesti della Messapia: 480–350 a. C. Consiglio nazionale delle ricerche; Università degli studi di Lecce. Bari: Edipuglia, 2006. 328 p., ill.
- McPhee*, 1976 — *McPhee I.* Attic Red Figure of the Late 5th and 4th Centuries from Corinth // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*. 1976. Vol. 45, no. 4 (Oct. — Dec.). P. 380–396.
- McPhee*, 2017 — *McPhee I.* The Uppsala Painter and The Painter of the Erlangen Symposion // *Studi Miscellanei di Ceramografia Greca III* / A cura di Elvia Giudici e Giada Giudici. Catania: Ediarich, 2017. P. 49–70.
- Petrakova*, 2020 — *Petrakova A.* A youth in a bonnet in Attic red-figure: new case — new sense? // *Griechische Vasen als Kommunikationsmedium: Akten des Symposions* / Hrsg. C. Lang-Auinger, E. Trinkl. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2020 (Corpus vasorum antiquorum Österreich. Beiheft 3).
- Russenberger*, 2015 — *Russenberger C.* Der Tod und die Mädchen: Amazonen auf römischen Sarkophagen, Image & Context 13. Berlin; München; Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2015. 640 S.
- Schauenburg*, 1982 — *Schauenburg K.* Arimaspen in Unteritalien // *Revue Archéologique Nouvelle Série*, fasc. 2. Hommage a Henri Metzger, 1982. P. 249–262.
- Schefold*, 1934 — *Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Leipzig: Walter de Gruyter & Co., 1934. Pp. viii + 162; 50 plates and 85 text illustrations (Archäologische Mittelungen aus russischen Sammlungen. Bd. IV).
- Vasi antichi, 2009 — Vasi antichi, Museo Archeologico Nazionale di Napoli. Napoli: Electa Napoli, 2009.

“Exotische Utopien einer fernen Welt”: two red-figure kraters with a rare depiction of Grypomachy from the excavations in the Northern Black Sea Area

A. E. Petrakova

There are two fragmented bell-kraters in the State Hermitage Museum, one was excavated in Chersoneses in 1903 (Fig. 1, 1–2), the other one — in Panticapaion in 1867–1868 (Fig. 1, 3–4). Both are decorated with a rare kind of Grypomachy: Amazons are fighting together with bearded barbarians against Griffins. We know many samples of Athenian and South Italian vases with the depiction of Amazons fighting men. There are many vases with the depictions of Amazons fighting or riding Griffins and few vases with the depiction of men (Greeks or non-Greeks) fighting or riding Griffins. But there are just several vases with the depiction of Amazons together with men fighting Griffins or Chimaera. I do not support the idea to call ‘an Arimasp’ any individual, fighting or riding Griffin just because ancient texts tell us about Arimasps fighting Griffins for gold. Moreover I guess female gender of Amazons is important for this rare kind of Grypomachy much more than their “Oriental, Barbarian” origin and appearance. I guess the vases, where Amazons are helping men (Greeks or non-Greeks) to fight deathful creatures of mixed nature, present us as Martin Langner once said, an “Exotische Utopien einer fernen Welt”, where everything is possible, even Amazons helping Bellerophon or women and men as allies in a battle.